

ОСТАЛИСЬ ПАМЯТЬ И СТИХИ

Человек он был очень и очень талантливый, одаренный. Со своим мнением, идущим вразрез с мнением многих. И всегда говорил правду о творчестве тех, кто его окружал — самую нелицеприятную, чем и нажил себе множество врагов. При этом Алексей Просветов был незащищенным, ранимым. К сожалению, судьба многих таких людей — ранняя смерть. В пятьдесят один год Алексея Александровича Просветова не стало.

А родился он в Москве, 23 июня 1941 года, на следующий день после начала войны. Отец ушел в армию и вскоре пропал без вести. Алексей не смог ничего о нем найти — искал, когда вырос.

— Да в архивах все перепутано, не поймешь, где какие части были, — рассказывал он.

А мать, она работала на радио, вскоре арестовали по ложному обвинению.

Первые годы мальчик жил у родственников на Бауманской. Из той поры Просветов вспоминал, как водил слепого пианиста в Политехнический музей (видимо, соседа по дому). Тот исполнял там концерты.

А еще — елку в Кремле, в зиму с 1952-го на 53-й. Кто-то из родственников достал мальчику приглашение. И ему показалось, что он видел там Сталина.

— Невысокий такой... Подошел к нам, когда мы хоровод водили вокруг елки. Постоял молча. Потом сказал: «Танцуйте, дети». И ушел. Полной уверенности нет. Полутемно было. Только огни елки. Но — похож.

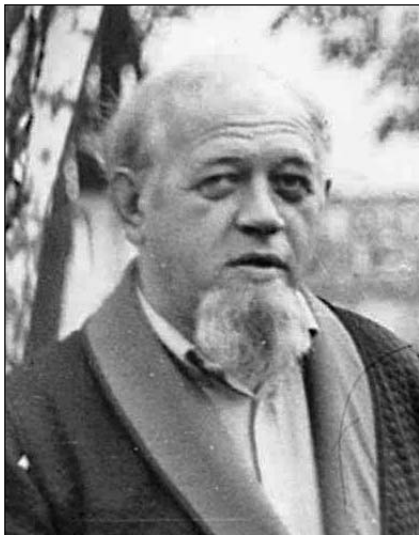
Об этой встрече у Алексея Александровича было стихотворение. Его еще предстоит найти.

И Просветов всю жизнь не верил в злодейство Сталина.

«Не мог он иначе. Не мог!» — говорил он. И — «Обманывали его! Те, кто вокруг... Сами все творили, а когда умер — на него свалили.

Казалось бы, я первый против него должен быть. У меня мать ни за что сидела... А я не верю. Обманывали его.

Он сыном своим пожертвовал, когда на Паулюса обменять предлагали. Сыном! Не мог такой человек!»

Алексей Просветов

Отца он никогда не видел. Но был Сталин, близкий и родной, отец для всех — и для маленького мальчика-сироты, Леши Просветова. Отец. Поэтому и не верил в его вину. Обманывали...

Потом был детский дом. И бабушка, которая забрала Алексея к себе в деревню. С ней он оставался, пока не вернулась из лагерей мать. Вся семья поселилась в поселке Мамонтовка, неподалеку от подмосковного города Пушкино. Мать повторно вышла замуж, родила ему маленького брата и сестру.

Алексей вырос, стал работать в Пушкинской районной газете. Публиковал там статьи, очерки и первые свои стихи. С ними он пришел в конце пятидесятых в «Магистраль» — литобъединение при ЦДКЖ (центральный дом культуры железнодорожников). Там его стихи разбирали и оценивали такие мастера как Евгений Винокуров, Николай Старшинов. Познакомился он и с Михаилом Светловым, его приглашали в «Магистраль» читать свои стихи.

— Он уже тогда сильно пил, — рассказывал Просветов. — И писать бросил. Совсем. Потом у него деньги кончились. А ему сказали — напишешь, заплатим. А так — ничего. И пошло: напишет, дают деньги. Опять напишет, еще платят. И Светлов, нехотя, через силу, снова начал писать. Сначала понемногу, а потом втянулся. И, может, вернулся бы в большую поэзию. Но тут — болезнь.

Знакомство со Светловым было недолгим, шапочным. А вот Наума Коржавина (которого, так или иначе, упоминали в своих произведениях многие писатели, от Бондарева с Тендряковым до Солоухина) Просветов знал хорошо. Всегда тепло о нем вспоминал. И даже собирался писать ему в Америку в конце восьмидесятых. Кто-то из общих знакомых дал ему калифорнийский адрес Коржавина.

В те же годы Алексей Просветов посылал свои стихи в Литературный институт. И несколько раз ему приходили извещения, что он прошел творческий конкурс. Приглашали сдавать экзамены. Но Алексей не мог все бросить и пойти учиться. На нем семья: мать с маленькими братом и сестрой, бабушка.

В начале шестидесятых его призвали в армию. Три года в Азербайджане. Освоил профессию фельдшера. А еще приводил назад солдат-перебежчиков, которые пытались уйти в Иран.

— Иранцам они на фиг не нужны были. Их пограничники прижмут такого автоматными очередями к нейтральной полосе и нашим сигналят: «Забирайте!» Я и шел на ту сторону уговаривать. А тому, кто бежал, все равно деваться некуда... Сдавались. Так обратно перебежчиков и приводил.

— А вообще, ничего страшного в армейской жизни, казарме я не видел. Для меня это было как продолжение детского дома. Такой же уклад. Вернулся из армии и на следующий день уже на работу.

— Это сейчас дембель гуляют, а тогда нет. Пришел — работай.

И Просветов опять — в районной газете. Вскоре он чудом избежал гибели в страшной катастрофе 17 июня 1966 года.

Переполненный автобус — люди ехали на работу — опрокинулся в пруд рядом с железнодорожной станцией Мамонтовка. Погибли почти все пассажиры — 84 человека. Захлебнулись. И Алексей должен был быть с ними. Все его друзья в этом автобусе ехали. Звали его, махали руками: — Лешка, поехали с нами!

А он о чем-то заговорился со знакомым на остановке: — Да ладно, ребята, я на следующем.

Когда приехал на станцию (и двадцати минут не прошло), увидел пруд, и четыре колеса из него торчат. И на днище опрокинувшегося автобуса сидят водитель и кондуктор. А все его друзья, с кем рос, учился, на танцы ходил — там. В редакцию газеты пришел только в середине дня, а там уже деньги собрали — на его похороны.

Не его, он сам хоронил погибших, три дня могилы копали.

— И вот заиграла музыка, и понесли их, молодых, красивых... Потом я несколько дней ничего не помнил, — рассказывал Просветов.

Впоследствии, кем он только не работал: журналистом в «районках», на областном радио, ответственным секретарем Общества охраны памятников, следователем в милиции, воспитателем в общежитии ПТУ. Последние годы трудился в Метрострое.

— Это я специально сделал, — объяснял Просветов, — чтобы на десять лет раньше на пенсию выйти. Подземный стаж.

Да, вышел на пенсию в пятьдесят, умер в пятьдесят один. Недолго он этой пенсией пользовался...

А еще Просветов руководил литературным объединением в Пушкино.

Девяносто девять процентов из того, что я приносил в литобъединение, Просветов отвергал после жесткой критики.

— Зачем же ты к нему ходишь? — спрашивали меня.

— Да потому что один процент он принимает!

Как же мне сейчас не хватает его критики, его разбора! Оценки Алексея Александровича не давали расслабиться, писать кое-как, заставляли работать на пределе. И иногда получалось, Просветов не отвергал.

Порой с тревогой думаю — а что бы он сказал о том, что сейчас пишу... Набрался бы у меня хоть один процент?

— Не что, а — как! Не пересказ, а — показ, — учил он. — И выражено предметно, в деталях и красках, в картинках. Логика должна быть в повествовании — это главное. И что хотел сказать автор — его отношение к тому, что он пишет. Нравнодушие. Равнодушный человек никогда ничего не напишет стоящего.

Казалось бы, прописные истины. Но, похоже, многие из современных авторов их не знают...

Просветов говорил, что, может, напишет когда-нибудь учебник о литературном мастерстве.

— Вот соберусь и напишу!

Не собрался.

У меня никак не ладилось с описаниями. И Алексей Александрович посоветовал: — А ты посмотри на что-нибудь, на какой-то предмет, дерево, облако, на что угодно, и представь: а на что похоже, на что-то иное, чем видишь.

Представлял... Долго ничего не получалось — и вдруг пошли образы, картинки...

— Так, эта претензия к тебе снимается, — сказал Просветов, когда я принес написанное. — Давай дальше.

Еще он говорил:

— Пиши, работай. Нельзя расслабляться, останавливаться. Как бы ни было

трудно. Это я вам всем повторять и буду повторять. Я сам приезжаю с работы и сажусь писать. Это — моя вторая смена. Каждый день у меня две смены.

И еще:

— Хочешь постичь душу любого народа, читай его сказки. Там — все.

— А о чем писать, — советовал он, — да возьми десять заповедей из Библии — там все есть: как должно быть, и как не должно. Соблюдение этих заповедей и отступление от них — вся литература на этом стоит. Не убий, не прелюбодействуй, не лги — это же содержание всех книг. Причем читают больше про тех, кто отстает. Возьми у Толстого, кто такая Катюша Маслова? Проститутка. Анна Каренина? Неверная жена. А у Достоевского, кто Раскольников? Убийца. Положительные, без сучка и задоринки, читателям не интересны. И Толстой с Достоевским этот секрет знали.

Алексей Александрович говорил о заповедях, но сам верующим не был, скептически относился к религии. Вот строчки из его стихотворения: «Нам вдвоем на небе не ужиться, / Знает, старый, вот и не зовет».

Потом все же позвал...

Алексей Просветов был знаком с Александром Менем. Встречал его в Пушкино, где священник служил настоятелем в Срегенской церкви. Уговаривал его написать воспоминания о знаменитых людях, которых крестил (вроде бы и Галича в их числе). Мень отнекивался:

— Да давно было, о многом не помню.

Но обещал подумать. А потом Меня убили... Просветов присутствовал на его похоронах, и потом говорил, что убийца был там.

— Я его почувствовал. Этот человек приходил. Кто, пока не знаю.

Может, и узнал бы. Но через два года не стало и Алексея Александровича. А убийцу Александра Меня так и не нашли.

В середине восьмидесятых годов творчеством Алексея Просветова заинтересовался поэт Игорь Кобзев, автор поэтического перевода «Слова о полку Игореве». У него была дача недалеко от Пушкино — в шутку называл ее Анти-Переделкино. Кобзев приглашал Просветова в музей декоративного искусства, так называемый «музей на Делегатской», где проводил свои мероприятия. И, видимо, собирался предложить его стихи для публикации в каких-то изданиях. Но в мае 1986 года Игорь Кобзева не стало.

— Стоит кому-нибудь заинтересоваться моими стихами — и он уходит, — с горечью тогда говорил Алексей Александрович.

— А ведь в шестидесятые, — вспоминал он, — предлагали мне публиковаться в «Дне Поэзии»: «Давай, мы тебе шесть страниц выделяем». А я отказался: «Да вы что, ребята, нет у меня пока ничего значительного, достойного, чтобы в ТАКОМ альманахе печататься». Сейчас, может и есть, да больше не предлагают.

В восьмидесятые годы он посылал свои стихи в «День Поэзии», где сидели уже совсем другие люди. Отказ.

В дни неудач Просветов говорил: «Ну хоть стихи у меня идут. Хоть это у меня осталось».

И еще он говорил:

— Не важно, опубликовали тебя или нет. Главное — если ты написал что-то стоящее. А это — с тобой, никуда не денется! А остальное — будет! Рано или поздно...

В декабре 1988 года зам. главного редактора «Нового Мира» Феодосий Видрашку опубликовал несколько стихотворений Алексея Просветова в своем очерке о метростроевцах. Ждали, что в журнале будет отдельная публикация и других стихов поэта. Ничего не последовало. Видрашку просто использовал стихи Просветова как деталь для своего очерка.

Потом в судьбе Алексея Просветова появилось издательство «Талицы», с которым он стал сотрудничать. Располагалось оно в одноименном подмосковном поселке, а руководил им писатель и журналист Василий Тишков. Под издательство выделили старинную усадьбу, отдали в аренду.

Просветов входил в редакционный совет, участвовал в обсуждениях.

— Порой сижу и думаю, где мой крест и клубок? — говорил он после обсуждений на церковную тематику.

Один из руководителей издательства поделился с ним планами — а вот возьмет с заброшенного неподалеку кладбища надгробный камень (понравился ему) и поставит во дворе издательства.

— И после этого ты говоришь, что ты — русский?! — сказал ему Просветов. Потом заявил:

— Не могу я с ними работать! Не мое это!

И ушел. Только и успел добиться исключения из редакционных планов нескольких книг графоманов и плагиаторов. И — учредить и зарегистрировать журнал «Игрушечка». Был когда-то такой журнал для детей в девятнадцатом веке. Просветов его возродил, и имя «Игрушечка» благодаря ему вспомнили. Журнал этот потом почти все девяностые годы выходил под названием «Новая Игрушечка». Возглавил его совсем другой человек.

В начале девяностых Алексей Просветов хотел создать свое издательство. Печатать книги, выпускать журналы. Нашлись спонсоры, велись переговоры с типографией, художниками-иллюстраторами. С ним хотел встретиться аташе по культуре из посольства Латвии, обсудить совместные проекты. Просветова знали в этой прибалтийской стране, поскольку он много переводил известного латвийского поэта Бриедиса.

Были планы, замыслы... Все оборвала внезапная смерть Алексея Александровича Просветова 6 декабря 1992 года.

Долгие годы о Просветове никто не вспоминал. Автор этих строк и сам лишь недавно начал собирать его произведения — после того, как не обнаружил в Интернете ни единого упоминания о нем. Словно и не было такого поэта. Почти одновременно со мной Алексеем Просветовым заинтересовалась председатель московского областного отделения ВООПИиК Алла Алексеевна Громинова. Просветов когда-то работал ответственным секретарем районного общества охраны памятников. Она обнаружила в архиве его заметки, стихи, стала о нем расспрашивать — никто не помнит.

— И трех десятилетий не прошло, а человека уже забыли, — сетовала она.

Алла Громинова через местную газету призвала откликнуться тех, кто хоть что-то знает о Просветове. Мы встретились, и я рассказал все, что знал об Алексее Александровиче, передал материалы о нем.

Усилиями Аллы Алексеевны 19 января 2019 года в Пушкино был устроен вечер памяти Алексея Просветова. Артисты театра читали его стихи, прозу. Участники литобъединения, которое он возглавлял, поделились воспоминаниями о нем. Имя и творчество несправедливо забытого поэта стало возвращаться из небытия.

Вспоминаю, каким увидел его первый раз. Крепко сбитый мужчина с острым взглядом. Взгляд — словно насквозь просвечивал. Просветов...

Игорь КЕЦЕЛЬМАН

Дом из бревен,
 В нем щели зияют, как рты.
 Словно кончилась песня
 И звук на излете, —
 Приоткрылись и щерятся,
 Словно коты
 В предвечерней, тягучей
 И сладкой дремоте.
 Лишь развеется дня
 Уходящего чад,
 Эти рты безысходные
 Вновь предо мною
 И обидное что-то кричат
 Да кричат,
 Будто нету меня
 Под вечерней луною.
 Дом из бревен,
 Мне надобно
 Рано вставать.
 За веселым окном
 Столько светлого в мире!..
 Ухожу!
 И не нужно вослед мне
 Кричать!
 Ухожу не прощаясь,
 А щели все шире.
 Ухожу.
 С неба льется весенний елей
 И расчетной слезой
 Окропило дорогу...
 А навстречу овражные пасти полей,
 Рвут мне душу, кричат,
 Так что страшно, ей-богу!

* * *

Ко мне приходят мальчики-незнайки,
 Приходят жизнь подглядывать мою.
 И, понимая это, без утайки,
 Я многое от глаз их утаю.
 Не потому, что, не поняв, осудят,
 Или возвысят в том, что мне — беда.
 А потому что каждая из судеб
 Не сможет
                     повториться
                                     никогда!

* * *

Далеких звезд открытые глаза
Заглядывают в окна поздней ночью.
Как будто бы решили рассказать,
Что в этом мире все не очень прочно.
И я от них не отрываю глаз,
И спрятать слабость не хватает духа,
Ведь смотрят пристально,
с прищуром глаз,
Как много повидавшая старуха.

* * *

Снег да снег...
Торопиться не надо.
Сколько мягкости в нем,
доброты...
Ты представь
что планета — эстрада
И к ногам твоим
сыплют цветы.

Где-то там,
на небесном пороге,
За труды твоих лет
возлюбя,
Сыплют нежные
мальчики-боги
Цвет далеких миров
на тебя.

Опадает
красивая млечность...
Эту небыль испил ты
до дна
И немного взгрустнул:
В общем, вечность
И приятна,
но все ж холодна.

* * *

За окном опять колдуют жабы.
Заклинают или ворожат?
Над болотом свет мерцает слабый,
Две луны-лампадки дрожат.

Водяной волнуется в затоне —
Вновь украли черти топляки.

То ли плачет кто-то, то ли стонет
Голосом тягучим у реки...

Опустилась лунная дорога.
На дороге лунной ни следа.
Без боязни топай прямо к Богу,
Хошь — на час, а хочешь — навсегда.

Мог бы! Да куда к нему без веры?
Как в болотной тине от грехов,
От табачной гари вечно серый,
Вечно без копейки — от стихов...

Мог бы! Мог! И жабы мне колдуют
Лепотой небесною маня.
Но у Бога хватит обалдуев,
Разгильдяев хватит без меня.

Ночь. И Богу, видно, крепко спится —
Позашторен тучей небосвод...
Нам вдвоем на небе не ужиться, —
Знает, старый, вот и не зовет.

* * *

Желтое — к измене, говорят.
Желтое — к тревоге и потере.
А деревья, словно не поверив,
Ах, какие желтые стоят!
Оголен и счастьем обделен,
Ветки-руки вскинул, замирая,
Как Христос стоит мальчишка-клен,
Живший все обиды презирая.
Я смотрю часами на него.
Он укором мне, голыш бедовый.
Белый снег. Стоит мальчиш лиловый
Под окошком брата своего.

* * *

Есть счастье одиночества, поверь.
В полночный час,
                                когда утихнут ссоры,
Людская память открывает дверь,
Закрытую от прочих на запоры.
Там все твое —
                                что прожил,
                                что нажил...
Вся капля к капле,
                                как вода в речонке.

Там те, о ком мечтал,
                        кого любил...
Там даже прыгалки,
                        что не вернул девчонке.

* * *

По весне, от города зверея,
К солнцу вскину, словно к Богу, лик:
«Растопи, сожги снега скорее,
Осуши мой дальний материк.
Разбуди продрогшее жилище,
Обогрей и крышу, и фасад...
Мне всю зиму, в клетке, птица свищет
Про веселый яблоневый сад...»
Город, что убрал снега до срока,
Как хозяин добрый урожай,
Словно черно-белая сорока,
Все стрекочет в уши: «Уезжай!»
«Уезжай!» — скрипят в квартире двери, —
«Там такое чудо наяву!»
И до срока в городе зверея,
Брошу к черту мрачную Москву.
И пускай откосы в пятнах снега,
А в оврагах утопает синь.
Заложу за ворот, ради смеха,
Закажу не тройку, а такси.
Убегу, пока обвал не грянет,
В мир никем не топтаной травы.
Убегу! Глядишь, светлее станет
Без меня на улицах Москвы.

«МАМКА»

Просила справедливости у Бога,
Слова шептала, затаивши грусть.
Но говорила, вставши у порога:
«Нет, уж сама я

                        в этом разберусь!»

Жила в ней вера,
                        Что в добре и силе

Есть истины большая глубина.
И колобком тяжелым по России
Катилась сердобольная она.
Ей было лихо,

                        что младенцу манка —

«Нашли беду! Да это ли беда?!»

И все село звало старуху

                        «Мамка» —

Случается такое иногда.
И умирала старая в затишке,

Как будто делала одно из дел,
Присев на стул,
                                в рабочем пиджачишке,
Закрыв глаза —
                                чтоб я не углядел.

* * *

Ой, вы гуси мои, вы лебеденочки,
Высоко летите вы над Россеею.
Ой, вы дети мои, ненаглядночки,
Разнесло вас по свету снеговьями.

Я возьму посошек грушовый тоненький,
Мимо окон пойду низко кланяться:
От отца вам поклон, коли вспомните,
И от матушки вам, коль вспомяните.

На крыльцо не ступлю резное ладное,
Не встревожу-то покоя домовитого.
Чтоб светлее стало вам — повешу ладанку,
На калиточку, от сглаза ядовитого.

И уйду снова вдаль, как в небо лебеди...
По белым снегам да по завьюжинам...
Как давно вы в дому родном не были,
Как мне зябко к вам идти по льду, по лужинам.